Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ

№ 29.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Викторъ Черновъ

ИДЕАЛЪ СОЦІАЛИЗМА
И
ПОВСЕДНЕВНАЯ БОРЬБА.

Цѣна 20 коп.

Изданіе
Ревельскаго Комитета Партіи
Соціалистовъ-Революціонеровъ
Ревель, 1917 г.

6 К.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

№ 29.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Викторъ Черновъ

КОНЕЧНЫЙ ИДЕАЛЪ СОЦІАЛИЗМА И ПОВСЕДНЕВНАЯ БОРЬБА.

Цѣна 20 коп.

Изданіе
Ревельскаго Комитета Партіи
Соціалистовъ-Революціонеровъ
Ревель, 1917 г.

„Проз 38“

6 Н 352

Тип. I. и А. Пальманъ, Ревель.

БИБЛИОТ...
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
138
31

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и наиболѣе интересныхъ для насъ фактовъ умственной жизни современной Европы является, безъ сомнѣнія, тотъ критическій пересмотръ господствовавшихъ въ послѣднее время соціалистическихъ доктринъ, который достигъ своего апогея въ преніяхъ по поводу, такъ называемой, „Бернштейніады". Современные теоретики и практики соціализма распались какъ будто на два лагеря: Съ одной стороны—сплоченная и сравнительно однородная армія правовѣрныхъ, „ортодоксовъ", съ другой—разношерстная и пестрая толпа „критиковъ". Этому *внѣшнему* различію соотвѣтствуетъ и *внутреннее*. Съ одной стороны—прочная, установившаяся и выработанная система, цѣлостная и единая, какъ будто высѣченная изъ одного куска гранита; съ другой—исканіе новой системы, попытки ея установленія, колебанія изъ одной стороны въ другую, разнорѣчія, неопредѣленность...

Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, какъ видите, преимущество всецѣло на сторонѣ „ортодоксіи". И понятно, что люди, желающіе прежде всего извѣстной уравновѣшенности и спокойствія въ умственной области, должны отдать предпочтеніе системѣ „старовѣровъ". Еще болѣе понятно, что представители „старой вѣры" съ негодованіемъ смотрятъ на „разъѣдающую" работу критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти послѣдніе первое время отнимаютъ у людей въ теоретической области гораздо больше, чѣмъ даютъ. La critique est aisée, l'art est difficile,—эта избитая пословица въ концѣ концовъ совершенно справедлива. Когда „критика" становится модной, когда „критическое" настроеніе съ силой овладѣваетъ умами, то это обычно лишь простой симптомъ того, что неистощимая творческая сила природы, вызывающая къ жизни безъ устали все новыя и новыя комбинаціи, еще разъ обогнала своего могучаго и все растущаго мла-

денца-соперника, человѣческій умъ, испытующій „вещей дѣйства и причины", стремящійся охватить ихъ единымъ взглядомъ, разгадать механизмъ работы своей матери-природы и овладѣть имъ. И слишкомъ, къ сожалѣнію, часто бываетъ такъ, что, замѣтивъ несоотвѣтствіе между своими твореніями,—системами, теоріями—и живыми продуктами созидательной работы жизни, человѣческій умъ останавливается на безплодномъ разочарованіи, переходитъ отъ юношеской гордой увѣренности въ своихъ силахъ къ старческому, умудренному опытомъ скептицизму. Теорія суха, а древо жизни вѣчно растетъ и зеленѣетъ. Немудрено, поэтому, что „пошлый опытъ—умъ глубцовъ" даже и очень умнымъ людямъ подсказываетъ нерѣдко только голое недовѣріе къ теоріямъ и предпочтеніе безпринципнаго эмпиризма, подъ фальшивой этикеткой „практичности" и „необходимости считаться съ условіями жизни".

Словомъ, догматическое „старовѣріе" съ одной стороны и эклектическая „свобода отъ теорій" съ другой —это двѣ „вѣроломныя покатости", между которыми удержаться необходимо, но не легко. И, къ сожалѣнію, большинству современныхъ „критиковъ" не удалось пройти невредимо между Сциллой ортодоксальной непримиримости и Харибдой оппортунизма. Въ частности, это не могла не отразиться и на вопросѣ объ отношеніи между конечными цѣлями и повседневными практическими задачами революціоннаго соціализма—этомъ первомъ, основномъ, элементарнѣйшемъ вопросѣ революціонной теоріи.

Современные „критики", извѣрившись въ старомъ революціонномъ „догматѣ", нерѣдко совсѣмъ остаются безъ догмата. Ихъ прежній методъ обосновки „конечныхъ цѣлей" и сами эти „конечныя цѣли" такъ прочно срослись въ ихъ сознаніи другъ съ другомъ, что, отказавшись отъ перваго, они начинаютъ очень двусмысленно относиться къ послѣднимъ. Ихъ революціонный энтузіазмъ когда-то такъ прочно вылился въ форму опредѣленнаго credo, грозитъ новой опасностью: тѣмъ, что критикъ увязнетъ безъ него по уши въ болотѣ „умѣренности и аккуратности".

Въ частности, къ этому результату толкаетъ нерѣдко и обычная тенденція, господствующая въ области мысли, тенденція къ „развитію по закону противорѣчій". Дѣло здѣсь, впрочемъ, обстоитъ безъ всякихъ особенныхъ

таинствъ гегелевской діалектики, а гораздо проще. Новыя теоріи *полагаютъ* себя, *противополагаясь* старымъ. Гдѣ старая теорія ставила $+a$, тамъ новая теорія ставитъ то же самое a, но только со знакомъ минусъ, тогда какъ, быть можетъ, въ этомъ пунктѣ не нужно никакого a, ни съ плюсомъ ни съ минусомъ, а нужно просто на просто b или c. Примѣровъ такого „обратнаго самоопредѣленія“ можно найти множество.

Для стараго утопизма „конечная цѣль“ революціоннага соціализма вырисовывалась съ абсолютной опредѣленностью и яркостью. Она представлялась непосредственно осуществимой и—въ качествѣ таковой—прямою цѣлью усилій. Яркій свѣточъ идеала затмевалъ въ ихъ глазахъ вопросъ о переходныхъ ступеняхъ. Непосредственное творчество высшей соціальной жизни—вотъ прямая практическая задача, которую утописты себѣ ставили. При этомъ одни изъ нихъ просто игнорировали окружающую обстановку, полагая, что при всякихъ политическихъ, общественныхъ и культурныхъ формахъ страны безразлично можно основывать фаланстеры и коммуны. Другіе, наученные опытомъ, столкнувшись съ враждебнымъ давленіемъ „стараго міра“, спѣшили уйти изъ него, искать свободной, незасоренной почвы для воздвиженія новаго соціальнаго зданія въ обширныхъ пространствахъ Новаго Свѣта или безлюдныхъ островахъ Тихаго Океана. Наконецъ, третьи пришли къ выводу о необходимости заняться разрушеніемъ современнаго порядка, чтобы предварительно очистить мѣсто для новаго міра, который такимъ оброзомъ, и по этой концепціи, долженъ будетъ не вырости, не выработаться изъ стараго міра, а лишь заново создаться на его развалинахъ.

Такъ называемый „научный соціализмъ“ Маркса и Энгельса опредѣлился въ своей основной сущности чисто отрицательнымъ путемъ, путемъ противоположенія этимъ своимъ духовнымъ предшественникамъ. Противополагаясь имъ, онъ нашелъ себя. „Рабочій классъ не имѣетъ провести никакихъ готовыхъ утопій при помощи народныхъ постановленій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы добиться своего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработать ту высшую форму общежитія, которой навстрѣчу неудержимо идетъ современное общество всѣмъ своимъ экономическимъ развитіемъ, ему предстоитъ пройти черезъ долгую борьбу, черезъ цѣлый рядъ ис-

торическихъ процессовъ, благодаря которымъ люди, равно какъ и обстоятельства, совершенно преобразуются. Онъ *не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ* (sie hat keine Ideale zu verwirklichen), онъ имѣетъ лишь освободить элементы новаго общества, которые уже развились въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества*). Эти слова Маркса превосходно вскрываютъ передъ нами генезисъ всѣхъ тѣхъ „крайностей“ и „увлеченій“ марксизма, отъ которыхъ онъ самъ нынѣ стремится отдѣлаться: и утрированнаго пренебреженія ко всякимъ „идеаламъ“ и всякой „идеологіи“; и такого же утрированнаго возвеличенія „имманентной“ логики вещей, „естественно-историческаго процесса“ хозяйственнаго развитія. Почти съ полной увѣренностью можно сказать, что мы не имѣли бы многихъ изъ этихъ крайностей и слабостей марксизма, если бы, создавая свою систему, Марксъ относился ко всѣмъ вопросамъ свободнѣе, если бы онъ меньше думалъ при ихъ рѣшеніи о томъ, какъ ихъ рѣшали утописты, меньше старался во всемъ сказать „напротивъ“ утопистамъ. Подобно тому, какъ, согласно поговоркѣ, лицемѣріе есть только послѣдняя дань, платимая порокомъ добродѣтели, такъ стремленіе стоять въ полной противоположности къ идейнымъ предшественникамъ есть послѣдняя дань, уплачиваемая ихъ могучей власти надъ умами тѣми людьми, которые пришли имъ на смѣну.

Основатели „научнаго соціализма“ тоже уплатили эту дань утопизму. Стараясь побѣдить его, изгоняя изъ своихъ взглядовъ всѣ положительныя вліянія утопизма, они тѣмъ самымъ воспрепятствовали и самимъ себѣ вполнѣ освободиться изъ круга тѣхъ понятій и идей, въ которыхъ былъ заключенъ утопизмъ. Утописты противопоставляли естественному ходу развитія современнаго общества свое „наитіе революціоннаго вдохновенія“ и свой идеалъ, желая при помощи послѣднихъ упразднить первый; въ цитированномъ же нами мѣстѣ изъ Маркса особенно рельефно высказывается то же самое противопоставленіе, но лишь съ обратнымъ результатомъ: „идеалъ“ отодвигается передъ „неудержимымъ ходомъ развитія общества“. Позднѣе увлеченіе полемикой еще болѣе усугубитъ эту черту марксизма въ ущербъ его „научности“, ученики пойдутъ дальше

*) „Der Bürgerkrieg in Frankreich“, Berlin 1891, s. 48.

учителей,—и это заставитъ вырваться у Маркса знаменитыя слова: „Quant à moi, je ne suis pas marxiste“, а Энгельса заставитъ написать письмо къ Конраду Шмидту, письмо въ которомъ мы читаемъ: „Марксъ и я отчасти сами виноваты въ томъ, что младшей формаціей приписывается экономической сторонѣ больше вѣса, чѣмъ ей принадлежитъ на дѣлѣ. Намъ приходилось, въ противоположность нашимъ противникамъ, особенно подчеркивать отрицаемый ими основной принципъ, и поэтому мы не всегда находили время, мѣсто и поводъ отдавать должное остальнымъ элементамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи причинъ“. И далѣе: „Къ сожалѣнію, слишкомъ часто случается, что „люди, едва усвоивъ основныя положенія новой теоріи, да и то не всегда вѣрно, воображаютъ, что вполнѣ ее постигли и могутъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій ее примѣнять. И я не могу освободить отъ этого упрека нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ марксистовъ: ими въ этомъ отношеніи наговорены удивительныя вещи“.

Эти признанія Ф. Энгельса уже сами по себѣ открываютъ достаточно широкое поприще и для отрицательной работы „критики“ увлеченій, о которыхъ здѣсь говорится, и для положительной работы пополненія пробѣловъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы „критики“ совсѣмъ не воспользовались этими представившимися для нихъ возможностями. Тотъ же Бернштейнъ заявляетъ, напр., какъ будто съ достаточной опредѣленностью: „пренебреженіе идеаломъ, поднятіе матеріальныхъ факторовъ на степень всемогущихъ силъ развитія есть самообманъ“ *); „ея, дѣйствительно, не ставлю побѣды соціализма въ зависимость отъ его „имманентной экономической необходимости“ и не считаю ни возможнымъ, ни нужнымъ придавать ему чисто матеріалистическое обоснованіе“ **). Казалось, можно было съ полнымъ правомъ ожидать отъ сторонниковъ этой точки зрѣнія раціональнаго синтеза между теоретическимъ реализмомъ и практическимъ идеализмомъ, того синтеза, къ которому въ лицѣ П. Л. Лаврова и др. такъ давно стремится русская революціонная мысль. И однако—предательское однако!—тотъ же самый Бернштейнъ, который написалъ вышеприведенныя слова, написалъ и

*) Ed. Bernstein, „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie“. Stuttgart, 1899, s. 187.

**) Ibid, s. 178.

знаменитую фразу: „Das Endziel ist für mich nichts, die Bewegung ist alles—конечная цѣль движенія для меня —нуль, а самое движеніе—все". Чѣмъ это объяснить? Опять таки тѣмъ, что Бернштейнъ, бывшій правовѣрный марксистъ, не можетъ выбиться изъ круга старыхъ понятій и идей, и вся его „критика" сводится въ послѣднемъ итогѣ лишь къ нѣсколько иной перетасовкѣ все тѣхъ же элементовъ стараго міросозерцанія. Ортодоксы вѣрили, что механическое сцѣпленіе событій, во первыхъ, съ неудержимою силою создаетъ и создастъ вполнѣ соціализированное производство, съ котораго останется только сбросить его капиталистическую форму; и, во вторыхъ, что то же механическое сцѣпленіе событій настолько разовьетъ противорѣчіе между этою капиталистическою *формою* производства и всѣмъ его внутреннимъ строемъ, вполнѣ подготовленнымъ къ соціализму, что эта устарѣлая форма въ силу чисто хозяйственныхъ условій не сможетъ болѣе держаться и должна будетъ рухнуть. Этотъ оптимизмъ по отношенію къ механическому „естественному ходу вещей" послѣдующими фактами жизни былъ значительно подорванъ. Но для иныхъ „критиковъ" настолько тѣсно сраслись понятія о Zusammenbruch'ѣ современнаго хозяйственнаго строя съ понятіемъ о торжествѣ соціалистическаго идеала во всей его полнотѣ и цѣлостности, что съ „имманентной логики вещей", подготовляющей смерть стараго и рожденіе новаго порядка, они перенесли свой скептицизмъ и на „конечныя цѣли" вообще. Они перешли къ опаснымъ и двусмысленнымъ совѣтамъ бросить „пустыя" мечты о будущемъ и заняться настоящимъ.

Оправдываясь отъ упрековъ въ забвеніи соціализма Бернштейнъ, напр., безсильно цѣпляется за выше приведенную фразу Маркса о томъ, что рабочій классъ „не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ". „Это то и есть въ существенномъ, если и не во всѣхъ пунктахъ, та мысль, которую я имѣлъ въ виду"—говоритъ Бернштейнъ. „Ибо что она въ концѣ концовъ гласитъ, какъ не то, что движеніе, рядъ процессовъ—все, а всякая заранѣе намѣчаемая и ближе опредѣляемая цѣль, по сравненію съ нимъ, не важна?" Странная логика, мало помогающая не менѣе странному положенію Маркса! Совершенно неясно, какой смыслъ можетъ имѣть пріемъ „сравненія" по степени „важности съ одной стороны

„конечной цѣли“ движенія, а съ другой—самаго этого движенія. Что это за тяжба, что это за „мѣстничество“, между двумя не только не противорѣчивыми, но даже логическій неразрывными началами: между принципомъ, опредѣляющимъ направленіе движенія (конечная цѣль) и его опредѣляемымъ (самое движеніе)? Дѣло не становится болѣе яснымъ, а только еще болѣе затѣмняется послѣдующими поговорками, которыя—какъ онѣ ни являются неопредѣленными и двусмысленными —все таки уничтожаютъ смыслъ всего предъидущаго. „Я уже въ свое время заявлялъ, что охотно отказываюсь отъ такой формулировки положенія о конечной цѣли, которая допускаетъ толкованіе, будто всякая, формулируемая какъ принципъ, общая цѣль рабочаго движенія должна быть признана ничего не стоющей. Но то, что въ господствующихъ теоріяхъ относительно исхода движенія, идетъ дальше такой въ общихъ чертахъ намѣчаемой цѣли, опредѣляющей принципіальное направленіе и характеръ движенія, должно непремѣнно закончиться утопистикой и когда нибудь стать помѣхою для дѣйствительнаго теоретическаго и практическаго преуспѣянія движенія*). Поскольку эта оговорка направлена противъ чрезмѣрной *детализаціи* будущаго строя, она сводится къ избитому трюизму. Но и значеніе этой оговорки, въ свою очередь, уничтожается новымъ тезисомъ Бернштейна. Вотъ что говоритъ онъ о „классѣ, восходящемъ въ исторіи:“ „рисуетъ-ли онъ себѣ какую-нибудь конечную цѣль, имѣетъ въ концѣ концовъ второстепенное значеніе, разъ онъ съ энергіей преслѣдуетъ свои ближайшія цѣли**). Поэтому слова Бернштейна о „пренебреженіи къ идеалу“ у стараго марксизма смахиваютъ немного на насмѣшки слѣпого надъ кривымъ...

Такимъ образомъ, не говоря уже о постановкѣ вопроса у утопистовъ, ни *ортодоксальный* марксизмъ съ его недовѣріемъ ко всякимъ субъективнымъ „идеаламъ“ и „идеологіи“, ни марксизмъ *критическій* съ его приниженіемъ идеала передъ ближайшей, повседневной практической работой, граничащей съ пресловутыми „малыми дѣлами“, не могутъ удовлетворить русскаго революціонера съ его потребностью въ живомъ синтезѣ революціоннаго идеализма и трезвой оцѣнки дѣйствительности.

*) Bernstein, „Voraussetzungen etc.“, s. 171.
**) Ibid, 187.

Отсюда и тяготеніе русскихъ революціонеровъ къ соціологическому субъективизму, къ динамической соціологіи —къ соціологіи, которая была бы прежде всего *философіей революціоннаго дѣйствія*. Здѣсь не мѣсто, конечно, пускаться въ чисто философскіе обоснованіе этой доктрины. Этому отчасти были посвящены нѣкоторыя изъ моихъ предъидущихъ работъ*). Мы здѣсь коснемся лишь ближайшихъ практическихъ приложеній соціологичекаго міросозерцанія, ведущаго свое начало съ нашихъ „великихъ покойниковъ", Герцена, Лаврова и Михайловскаго,—практическихъ приложеній, относящихся къ вопросу о конечной цѣли и повседневной борьбѣ революціоннаго соціализма.

Программа всякой политической партіи естественно распадается на двѣ составныя части. Одна служитъ выраженіемъ соціально-политическаго идеала партіи, идеала, являющагося конечною цѣлью всѣхъ ея усилій. Это—путеводная звѣзда, маякъ освѣщающій ея путь, не дающій ей затеряться среди извилинъ лабиринта всѣхъ многочисленныхъ, сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ настоящаго. Изъ туманной дали отдаленнаго будущаго этотъ идеалъ свѣтитъ партіи, зоветъ ее впередъ, все впередъ; въ немъ—залогъ ея вѣчной неудовлетворенности настоящимъ, неспособности успокоиться на какомъ-нибудь компромиссѣ и почить на лаврахъ, размѣнявъ благородный металлъ чистаго идеальнаго принципа на мѣдные, потертые гроши мелкихъ пріобрѣтеній и завоеваній у сѣренькой дѣйствительности. Для философскаго революціоннаго міросозерцанія исторія есть вѣчная борьба, вѣчное движеніе. Революціонныя партіи—это живое воплощеніе динамическаго момента въ исторіи. Для нихъ дѣло состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы перенести „точку" прогресса съ даннаго мѣста на извѣстное аккуратно вымѣренное разстояніе впередъ. Нѣтъ, за каждой осуществленной реформой, за каждой разрѣшенной соціальной проблемой они видятъ уже другую, новую, и такъ безъ конца, безъ перерыва, безъ остановки...

---

*) „Субъективный методъ въ соціологіи и его философскія предпосылки" въ „Русск. Богатствѣ" за 1901 годъ.

Такимъ образомъ, общественно-политическій идеалъ партіи, обладающей научно-революціоннымъ міросозерцаніемъ, отнюдь не является претензіей на воплощеніе „абсолютнаго совершенства“ въ области политики. Напротивъ, это міросозерцаніе, по самому существу своему, есть отрицаніе всего „абсолютнаго“, предполагаетъ вѣчное движеніе, вѣчную смѣну формъ, вѣчную борьбу, вѣчные порывы впередъ, вѣчную жизнь. Остановка этой борьбы, достиженіе такого идеальнаго „неподвижнаго состоянія“, которое не оставляло бы ничего дальше желать — было бы равносильно застою, духовной смерти. Однообразіе, неподвижность, хотя бы мы и представляли себѣ это положеніе вещей наполненнымъ всякими радостями и утѣхами жизни, человѣку революціоннаго темперамента чѣмъ-то сѣренькимъ, безсодержательнымъ, безцвѣтнымъ... Избитая фраза, что въ раю было бы очень скучно, вѣрна не только для тѣхъ, кому скучна царящая тамъ добродѣтель. Она вѣрна и для всѣхъ тѣхъ, кто не въ состояніи положить въ основу своего идеала характерныя черты блаженной „Обмоловки“.

А эти черты не трудно открыть даже въ самихъ поэтическимъ расцѣчиваніяхъ абсолютнаго соціалогическаго совершенства—въ мечтахъ на ту, хотя бы, тему, что тамъ, за далью непогоды, есть *блаженная* страна, гдѣ сіяютъ неба своды, гдѣ *покой и тишина*“. Вульгарное ненаучное представленіе о соціологической „конечной цѣли соціализма усваиваетъ и ей тѣ черты, которыя свойственны идеалу религій, почти всегда и вездѣ бывшихъ не боевымъ гимномъ передового отряда общественной борьбы, а сладкимъ, убаюкивающимъ напѣвомъ, проливающимъ бальзамъ утѣшенія и забвенія на свѣжія раны униженныхъ и оскорбленныхъ... къ пущей безопасности унижающихъ и оскорбляющихъ. Но то, что годится для эпохи религіозной мечтательности и сантиментализма, не годится для эпохи здороваго напряженія живой и жизнерадостной общественной энергіи. Только вѣкъ, который раздѣлилъ трудъ и наслажденіе, борьбу и покой, раздавивъ однихъ подъ бременемъ борьбы и труда и доведя ихъ до состоянія полнаго изнеможенія, а другихъ утопивъ во всевозможныхъ наслажденіяхъ до состоянія полнаго пресыщенія —только подобный вѣкъ и могъ создать такіе идеалы неестественнаго счастія, какъ міръ безтрудовыхъ радо-

стей, бездѣятельнаго блаженства въ пассивно-созерцательнымъ общеніи съ идеаломъ добра и красоты—Божествомъ, или же просто блаженнаго покоя Нирваны. Но мы, борясь съ жестокими, грубыми, звѣрскими формами, въ которыя выливается всякое движеніе, всякая жизнь и даже всякое развитіе въ современномъ обществѣ, замѣняя одни соціальныя порядки другими, ни мало не сомнѣваемся, что наши потомки, съ болѣе изощреннымъ, высокимъ и утонченнымъ пониманіемъ добры и красоты, найдутъ изъяны и пробѣлы даже тамъ, гдѣ для насъ, барахтающихся въ морѣ крови и грязи, все залито сплошными лучами благодѣтельнаго тепла и свѣта Насъ, бродящихъ ощупью во тьмѣ, ослѣпляетъ даже незначительный источникъ свѣта,—мудрено-ли, что наши преемники, которые, отчасти, благодаря нашимъ же страданіямъ и борьбѣ, будутъ, конечно счастливѣе насъ,— мудрено-ли, что они откроютъ и въ нашемъ солнцѣ пятна? Не спектицизмомъ и разочарованіемъ должно это сознаніе наполнять наши сердца, а чистымъ идейнымъ восторгомъ передъ величіемъ и безпредѣльности открывающихся намъ перспективъ, передъ безконечно восходящими рядами предстоящаго человѣчеству соціальнаго прогресса.

Ничто, кажется мнѣ, не можетъ удачнѣе характеризовать психологію современнаго революціонера, революціонера и по всему міросозерцанію и по всей психикѣ, и по складу симпатій и антипатій, какъ знаменитое изреченіе Лессинга: если бы самъ Господь предложилъ мнѣ на выборъ въ одной рукѣ—обладаніе вѣчной истиной, а въ другой—постояннымъ стремленіемъ и приближеніемъ къ ней, то я отвѣтилъ бы ему: нѣтъ, Господь! Оставь при себѣ свою истину и не лишай меня того, что даетъ смыслъ, цвѣтъ и содержаніе всей моей жизни—святое недовольство всякимъ даннымъ состояніемъ и беззавѣтное непрерывное стремленіе къ лучшему: его я не промѣняю ни на какое спокойное и неподвижимое обладаніе готовой истиной, упавшей мнѣ съ неба помимо всякихъ моихъ усилій...

Пусть то разсужденіе не безупречно съ строгой философской точки зрѣнія, такъ какъ обладаніе полной истиной предполагаетъ абсолютно совершенное существо, о психологіи котораго мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія, такъ что здѣсь никакое сравненіе невозможно. Дѣло не въ этомъ. Изреченіе Лессинга

лишній разъ въ необычайно красивой формѣ подчеркиваетъ ирраціональность абсолютнаго совершенства, когда его хотятъ превратить изъ простого идеальнаго или предѣльнаго понятія во что то конкретное и реальное; лишній разъ напоминаетъ, что абсолютно лишь стремленіе къ совершенству, лишь процессъ приближенія къ нему, а не тѣ или другіе конкретные результаты его. Въ противоположность пессимистической формулѣ, согласно которой безсмертна лишь смерть—mors-immortalis,—революціонное міросозерцаніе подчеркиваетъ обратную сторону: безсмертно рожденіе новой жизни, безсмертенъ прогрессъ, безсмертно творчество.

И въ этомъ—глубокая жизненность, даже болѣе того глубокая жизнерадостность революціоннаго міросозерцанія. Одушевленнаго имъ не смутитъ ничто. Онъ всегда останется самимъ собой и не разочаруется ни въ жизни, ни въ своемъ идеалѣ, сколько бы терній ни встрѣтилось у него на пути, сколько бы побѣдъ ни торжествовали надъ нимъ „сильные міра“ и „князья вѣка сего“. Пусть исторія сплошь и рядомъ представляетъ собою скорбный листъ, мартирологъ бойцовъ за безсмертную идею *человѣчности*. Пусть сплошь и рядомъ итогъ отдѣльныхъ ея моментовъ выражается словами поэта „нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“. Отсюда нельзя дѣлать никакихъ пессимистическихъ заключеній уже по одному тому, что взоръ нашъ останавливается на настоящемъ; а нѣтъ ничего болѣе эфемернаго, чѣмъ настоящее, вѣчно отступающее передъ будущимъ и вѣчно обращающееся въ пережитое и изжитое прошедшее. Но Терситы есть именно люди настоящаго, люди безсильно хватающіеся за это ускользающее мгновеніе и вмѣстѣ съ нимъ сходящіе со сцены.

Не революціонеру завидовать участи этихъ „господъ положенія“, которые только потому и кажутся „господами“, что подобно флюгеру, вертятся соотвѣтственно господствующимъ теченіямъ и потому оказываются всегда „приспособленными“. Революціонеръ сознательно отказался отъ мишурнаго торжества въ близкомъ настоящемъ. Онъ сознательно избралъ служеніе далекому будущему, роль его живого воплощенія, носителя и предтечи. Его не можетъ смутить то, что въ настоящемъ, повидимому, торжествуютъ жалкіе межеумки, люди вершка и золотой середины. Онъ не польстится

на ихъ дешевые лавры, которые немедленно попадаютъ изъ поэтическаго вѣнка, обрамляющаго чело побѣдителя, въ прозаическій супъ,—въ ту самую чечевичную похлебку, за которую еще древній Исавъ продалъ свое право первенства. Революціонеръ не продастъ никогда и ни за что этого своего права, съ какими бы мученіями физическаго и моральнаго голода не связывала его безсмысленная, стихійная жестокость „естественнаго хода вещей", въ которомъ, „даромъ ничто не дается—судьба жертвъ искупительныхъ проситъ". И потому, когда мы видимъ, что „весь въ крови подъ ношей крестной, истомленъ, влачится правый, между тѣмъ, когда безчестный встрѣченъ потестью и славой", насъ все-таки не покидаетъ бодрое сознаніе, съ которымъ мы говоримъ про старуху исторію то же, что нѣкогда говорилъ Галилей про землю: „а всетаки она движется!" Движется, хотя упоенные побѣдою Терситы и воображаютъ порою, что „поставили точку" ея движенію. Движется, хотя иногда, подобно землѣ же, и кажется на первый взглядъ неподвижною. Не Терситы, конечно, повѣрятъ этому: они вѣдь никогда не вѣрили и Галилею. „Разсказывайте, молъ, сказки-то, утѣшайтесь, а управа-то благочинія—вотъ она!" И пока управы благочинія, Бастиліи, Петропавловки и Шлиссельбурги благополучно стоятъ на присвоенныхъ имъ мѣстахъ, эти „положительные люди", герои умѣренности и аккуратности, будутъ увѣрены, что и вся почва подъ ихъ ногами, вся земля въ своемъ цѣломъ такъ же величаво незыблема. Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ! Но мы обладаемъ блаженствомъ другой вѣры, переходящей въ знаніе, потому-что она основана на всей предыдущей исторіи—

Мы знаемъ—судьбы неизбѣжная воля,—
Побѣда достанется намъ!

Да, и не только *достанется*, но и *достается*. Она, можно сказать, преслѣдуетъ насъ по пятамъ, но не можетъ догнать, ибо мы сами постоянно забѣгаемъ впередъ ея. Мы потому только и не фигурируемъ въ роли довольныхъ, отдыхающихъ побѣдителей, что, по мѣрѣ того, какъ tempora mutantur, и мы mutamur in illis: изъ рабовъ, бившихся подъ знаменами Спартака, мы послѣдовательно превращаемся въ участниковъ жакерій и крестьянскихъ войнъ, въ якобинцевъ и монтаньяровъ, въ чартистовъ и коммунаровъ, въ современныхъ соціа-

листовъ и революціонеровъ. И вотъ именно, поэтому-то насъ не смущаетъ даже и то обстоятельство, что никакіе, даже самые обдуманные и научно-обставленные идеалы общественнаго строя, не вѣчны; что безконечное, не знающее ни предѣла, ни остановки поступательное движеніе колесницы исторіи вѣчно обгоняетъ даже самыя смѣлыя предположенія и мечты прошедшихъ поколѣній. Что изъ того! Пусть даже тѣ конкретныя формы, въ которыхъ рисуется намъ лучшій соціальный строй, черезъ многіе десятки вѣковъ окажутся отсталыми; пусть тѣ, кто тогда ихъ будетъ защищать, окажутся консерваторами или даже реакціонерами. Отъ этого наша правда нестановится ложью, и мы—не слѣпцы, обманывающіе самихъ себя. Наша правда—самая подлинная правда, пока она движетъ впередъ исторію; она не ложь до тѣхъ поръ, пока не изжита, пока она не дала человѣчеству всего того содержанія, которымъ была чревата. И служителями неправды, жалкими слѣпцами являемся не мы—ими будутъ лишь тѣ, кто станетъ безсильно хвататься тогда за безсодержательный остовъ когда-то полной жизненнаго историческаго смысла системы, за пустую скорлупу этого, отнынѣ уже начисто выѣденнаго яйца, кто во имя этой никуда негодной скорлупы будетъ ставить задержки и препоны дальнѣйшему движенію. Не они—наши преемники, а „тѣ другіе, пока невѣдомые избранники", которые будутъ тогда тѣмъ же воплощеніемъ динамическаго момента исторіи, которымъ нынѣ по мѣрѣ силъ своихъ являемся или пытаемся являться мы.

Такимъ образомъ, „наша конечная цѣль"—не абсолютъ, дальше котораго нѣтъ ничего, а просто общій принципъ, въ которомъ суммируются всѣ наши частныя цѣли,—подобно тому, какъ понятіе „конечной причины" для настоящаго времени не можетъ совпадать съ метафизическимъ „началомъ всѣхъ началъ", а можемъ лишь объединять совокупность частныхъ, единичныхъ причинъ. Поэтому различные „положительные люди" и „постепеновцы" совершенно напрасно полагаютъ, будто ихъ отъ насъ раздѣляютъ ихъ трезвенность и наша склонность фантазировать о неосуществимомъ совершенствѣ, молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ. Насъ раздѣляетъ нѣчто совершенно другое. Мы, исходя изъ своего пониманія сущности историческаго процесса, не боимся ни надъ чѣмъ заносить ножъ смѣлой кри-

тики. Для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, нѣтъ ни одной области, которая была бы закрыта для непрерывнаго и безконечнаго воздѣйствія въ коренныхъ основахъ. Типичные же „постепеновцы“ и „реформисты“, если и признаютъ необходимость постоянныхъ измѣненій, то или лишь въ *частностяхъ* существующаго порядка, при незыблемой его основѣ, или лишь въ той или другой *сторонѣ* этого порядка—напр., въ политическомъ строѣ,—тогда какъ они не могутъ подобнымъ же образомъ, постигнуть возможность и необходимость такого же безконечнаго прогресса въ области семьи, собственности, національныхъ отношеній и т. под. Въ связи съ этимъ стоитъ и различіе въ положительномъ содержаніи идеаловъ реформиста и революціонера. На идеалѣ перваго всегда лежитъ печать непосредственной осуществимости, конкретности, умѣренности и аккуратности; идеалъ второго, напротивъ, носитъ чисто принципіальный характеръ и ясенъ лишь въ своихъ основахъ, а не въ деталяхъ. Идеалъ первыхъ чуть не можетъ завтра же цѣликомъ умѣститься въ канцелярскомъ проектѣ за печатью такого-то и такого-то министерства; идеалъ второго, напротивъ, служитъ ему лишь *верховнымъ руководящимъ началомъ* для *оцѣнки* тѣхъ злободневныхъ проектовъ „врачеванія“ соціальныхъ язвъ, которые въ качествѣ панацей постоянно выдвигаются знахарями ублюдочнаго соціаль-реформаторства. И чѣмъ дальше прозрѣваетъ духовный взоръ революціонера, чѣмъ глубже и сильнѣе прорѣзаетъ онъ завѣсу, скрывающую отъ насъ идеальное будущее, тѣмъ сильнѣе, само собой разумѣется, несоотвѣтствіе между величиной представляющейся исторической задачи и краткимъ промежуткомъ личной жизни или размѣрами индивидуальныхъ человѣческихъ силъ.

Въ этомъ отношеніи „реформисты“ счастливѣе. Они нашли очень простой способъ избѣгнуть этого несоотвѣтствія: не поднять до высоты задачи свою индивидуальную энергію или индивидуальныя силы путемъ ихъ сочетанія въ рѣшительно дѣйствующую организацію, а, напротивъ того, просто-на-просто съузить свой кругозоръ, смѣнить историческую дальнозоркость на близорукость, изъ-за ближайшихъ деревьевъ не видѣть лѣса и позабыть о его существованіи, приравнявъ его къ „отвлеченной мечтѣ“. Это въ своемъ родѣ „практично“, и несоотвѣтствіе между ограниченностью личной жизни,

-17

личныхъ силъ и широтою поставленныхъ „конечныхъ цѣлей“, конечно, убываетъ прямо пропорціонально этого рода „практичности“. Но за то прямо пропорціонально возрастаетъ для нихъ другое несоотвѣтствіе: между результатами достиженія цѣли и лучшими стремленіями и запросами души. Каждый человѣкъ долженъ имѣть внутри себя нѣкоторое „святое святыхъ“, вокругъ котораго концертировались бы лучшія силы, лучшія тенденціи его души, которое приподнимало бы его надъ дѣйствительностью, было бы способно пробуждать самый горячій энтузіазмъ и сообщать дѣйствіямъ ту настойчивость, непреклонность и энергію, безъ которой человѣкъ, подобно евангельскому изреченію, „подобенъ тростнику, колеблемому вѣтромъ“. Чѣмъ уже и мельче общественный идеалъ, чѣмъ меньше энергія его представителей, тѣмъ меньше ихъ готовность къ самопожертвованію, тѣмъ меньше ихъ смѣлость, рѣшительность въ критическія минуты. Таковъ безжалостный историческій законъ, осуждающій безповоротно „умѣренныхъ прогрессистовъ“ всѣхъ временъ и народовъ на извѣстную дряблость, нерѣшительность и слабодушіе въ эпохи тяжелой борьбы и на смѣлость лишь по отношенію къ поверженному врагу, когда, конечно, уже ничего не стоитъ добивать лежащаго, „дѣлить ризы его между собою и объ одеждѣ его метать жребій“...

Вотъ почему, хотя соціалисты-революціонеры и знаютъ, что до извѣстной степени „врагъ нашего врага—нашъ другъ“, и что въ борьбѣ противъ реакціонныхъ силъ имъ до извѣстнаго пункта по дорогѣ съ умѣренными прогрессистами, либералами и т. п.—они не могутъ, ради выгодъ такого союза, поступиться ни единой пядью принципіальной части своей программы. Всякое „самоурѣзываніе“ или „самозапрятываньe“ въ этихъ видахъ было бы самоубійственной работой. „Соціализмъ—величайшая нравственная сила современнаго общества, и упрятать ее подъ спудъ или такъ или иначе ослабить въ Россіи—значило бы добровольно убивать то, что составляетъ душу и жизнь нашего движенія. Борьба, подобная нашей, держится цѣликомъ на самоотверженіи, на способности единичныхъ личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастіе своей родины. Чѣмъ шире, глубже, всестороннѣе идея этого возможнаго счастья, тѣмъ скорѣе просыпается и тѣмъ громче говоритъ въ человѣческомъ сердце могучій общественный инстинктъ.

Никто не отдастъ себя на закланіе ради, скажемъ, расширенія мѣстнаго самоуправленія или иной хотя бы и наиболезнѣйшей частной реформы. Но тысячу людей шли на вольную смерть, когда въ ихъ душѣ вспыхивала вѣра, что счастье человѣчества будетъ куплено этою цѣною.

Когда то эту вѣру могла возбуждать голая идея политической и гражданской свободы; нынѣ эта способность перешла по наслѣдству къ величайшей идеѣ нашего времени—идеѣ соціализма. И вотъ почему даже всѣ тѣ „насущные вопросы" нашего времени, въ родѣ вопроса о политической и гражданской свободѣ, которые въ другихъ странахъ могли разрѣшаться буржуазно-либеральными или демократическо-радикальными партіями, въ Россіи могутъ быть разрѣшены только вмѣшательствомъ *революціоннаго соціализма*.

Та часть программы партіи, которая суммируетъ всѣ ея частныя цѣли и стремленія въ одной „конечной цѣли", естественно, обладаетъ извѣстнымъ постоянствомъ и неизмѣнностью,—конечно, не абсолютной, а лишь относительной, сравнительной. Чѣмъ болѣе революціонной, чѣмъ болѣе исторически-дальнозоркой является партія, тѣмъ долговѣчнѣе и неизмѣннѣе ея идеалъ. Поэтому эту часть программы мы можемъ назвать принципіальной или максимальной. Она не приспособляется каждый разъ къ мѣняющимся условіямъ мѣста и времени. Напротивъ, до нея должна быть поднята всякая конкретная дѣйствительность, всякая комбинація мѣстныхъ и временныхъ условій. Конечныя требованія революціоннаго соціализма международны; они общи для всѣхъ современныхъ національностей и государствъ для отсталыхъ не менѣе, чѣмъ для передовыхъ. Никакими „исключительными обстоятельствами" не можетъ быть оправдано даже самомалѣйшее урѣзываніе принципіальной части программы.

Предъявляемыя въ соціалистической программѣ требованія не могутъ ограничиться одной принципіальной формулировкой конечныхъ, идеальныхъ цѣлей. Какъ революціонеры, мы люди будущаго. Но это все не значитъ, чтобы мы были не болѣе, какъ мечтателями, фантазерами и утопистами, способными изъ-за будущаго забывать о томъ настоящемъ, въ которомъ

мы живемъ и дѣйствуемъ. Именно потому, что нашъ идеалъ—результатъ нашей исторической дальнозоркости, мы и не можемъ ограничиться только стремленіемъ поставить его, во всей его цѣльности, на мѣсто существующаго порядка. Прошли тѣ времена, когда революціонный соціализмъ могъ надѣяться осуществить свои конечныя требованія разомъ, цѣликомъ, однимъ ударомъ, перестроивъ одновременно все современное общественное зданіе снизу до верху „однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія", какъ превосходно выразился покойный Степнякъ. Приходится искать переходныхъ ступеней. Приходится разсматривать революцію не какъ противоположность эволюціи, а лишь какъ ея моментъ или даже какъ его сувокупность многихъ моментовъ, одни изъ которыхъ могутъ носить боевую, другіе—мирную внѣшность. И вотъ, въ каждое данное время, въ каждой отдѣльной странѣ соціалистическія партіи выдвигаютъ нѣкоторую часть своихъ требованій на первый планъ, какъ самыя насущныя, самыя необходимыя въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ наряду съ требованіями основной, принципіальной части программы и во имя этихъ требованій выростаютъ требованія другого рода—ближайшія, минимальныя, прикладныя.

Въ современной соціалистической терминологіи подъ программой-minimum обычно разумѣется лишь та комбинація практическихъ требованій, которая разчитана на періодъ *до* завоеванія власти рабочимъ классомъ, т. е. приноровлена къ борьбѣ въ рамкахъ до-соціалистическаго, слѣд., въ основѣ буржуазнаго общества. Нетрудно, однако, видѣть, что распаденіе программы на конечную цѣль и ближайшія требованія не потеряетъ своего смысла и послѣ рѣшительной побѣды надъ буржуазнымъ строемъ. Въ Манифестѣ Коммунистической Партіи Марксъ рисуетъ первоначальную программу соціалистическаго строительства, имѣющаго цѣлью заложить самую основу, самый фундаментъ соціалистическаго строя. По отношенію къ законченному идеалу соціализма это тоже лишь программа-minimum. Но по отношенію къ программѣ-minimum въ обычномъ смыслѣ этого слова она будетъ, такъ сказать, программой-minimum *второго порядка*. Мы въ дальнѣйшемъ будемъ говорить о программѣ-minimum вообще, или о томъ мыслимомъ безконечномъ рядѣ смѣняющихся про-

граммъ-minimum, совокупность которыхъ, поэтому, есть не противоположность идеалу, конечной цѣли, а какъ бы сливается съ нимъ, представляя собою безконечный процессъ пресуществленія идеальнаго въ реальное, практическое...

Эта вторая минимальная часть програмныхъ требованій, въ противоположность первой, максимальной, должна быть по самому своему существу не одинаковой въ различныхъ странахъ и въ различные историческіе моменты. Она вѣчно мѣняется сообразно требованіямъ времени, да и въ ней самой практически центръ тяжести передвигается отъ одного пункта къ другому, соотвѣтствуя наиболѣе насущнымъ *въ данный моментъ* потребностямъ революціонной партіи и тѣхъ слоевъ населенія, интересы которыхъ она ближе всего представляетъ. По мѣрѣ удовлетворенія наиболѣе насущныхъ требеваній выдвигаются на первый планъ другія, по степени ихъ важности и неотложности. Такимъ образомъ, въ этой текучей части программы естественнымъ образомъ устанавливается логически и практически необходимая грація многочисленныхъ частныхъ цѣлей партіи, которыя во всей своей совокупности—въ суммѣ безконечныхъ послѣдовательныхъ ступеней—представляютъ вѣчное подготовленіе и осуществленіе идеала. Не всѣ эти частныя требованія одинаково легко осуществимы въ *данный* моментъ, при *данныхъ* условіяхъ. Это во-первыхъ. Во вторыхъ, осуществленіе одной изъ частныхъ цѣлей партіи нерѣдко можетъ служить лучшимъ средствомъ приблизить осуществленіе многихъ другихъ. Эти то два соображенія, изъ которыхъ одно касается вопроса о найменьшей затратѣ силъ, объ экономіи результатовъ, и должны играть рѣшающую роль въ выборѣ того требованія (или тѣхъ требованій), которое партія должна выдвинуть для даннаго момента на первую очередь. Съ одной стороны передъ нами линія наибольшей общественной пользы, эта строгая геометрическая прямая, непосредственно ведущая отъ настоящаго момента къ высшему идеалу соціализма; съ другой линія наименьшаго сопротивленія, эта извилистая кривая, мѣняющая свое направленіе въ зависимости отъ внѣшнихъ условій; и обѣ эти линіи должны быть слиты въ нѣкоторомъ новомъ, раціональномъ единствѣ для того, чтобы получилась тактика живой и практической общественной партіи. Иными словами, партія

должна найти между ними среднюю, равнодѣйствующую, и различные этапы этой равнодѣйствующей послѣдовательно должны занимать централное мѣсто въ Actionsprogramm, какъ говорятъ нѣмцы, въ томъ, что мы назвали бы тактической линіей поведенія партіи.

Само собою разумѣется, что многіе изъ минимальныхъ требованій соціально-революціонныхъ партій могутъ быть для нихъ общими—и часто бываютъ общими—съ требованіями различныхъ фракцій умѣренныхъ прогрессистовъ, демократовъ, политическихъ либераловъ и радикаловъ, словомъ, вообще „среднихъ", реформистскихъ партій. Но и здѣсь, между „средними" и „крайними", между „революціонерами" и „реформистами" остается глубокое принципіальное различіе. Даже „минимальная" программа требованій соціализма никогда почти не бываетъ *совершенно тождественной* съ „принципіальной" частью программы даже самыхъ передовыхъ демократовъ. Дѣло въ томъ, что самое мѣрило для оцѣнки „реформъ" у тѣхъ и другихъ не одинаково. Для одного реформа должна разъ навсегда возстановить утраченную гармонію наличныхъ отношеній и устранить изъ нихъ существующій антагонизмъ различныхъ общественныхъ элементовъ; для другого она, напротивъ, лишь средство сдѣлать болѣе продуктивной дальнѣйшую борьбу. Для перваго реформа—средство примирить непримиримое, усидѣть между двухъ стульевъ; для второго—лишь приблизить моментъ оканчательной побѣды, улучшивъ жизненныя условія, общій физическій и духовный уровень, а слѣдовательно, и боевую способность трудящихся классовъ. Поэтому и *не всегда* одинаковы тѣ „реформы", тѣ „практическія улучшенія", которыхъ желаютъ реформистъ и революціонеръ. Послѣдній можетъ одобрить лишь такія „реформы", которыя будутъ способствовать приближенію его конечной цѣли. Первый же одинаково одобряетъ и такія „реформы", которыя представляютъ собою не болѣе, какъ красивыя заплатки на ветховой одеждѣ, прикрывающія наиболѣе видныя изъяны отживающаго строя; которыя давая лишь *мнимое* удовлетвореніе назрѣвшей потребности вмѣсто *реальнаго*, только затѣмняютъ и сбиваютъ съ толку общественное сознаніе. По существу, реформа отнюдь еще не противоположность революціи. Вопросъ въ томъ, при какихъ условіяхъ и *какая* реформа. Есть и такія реформы, которыя, нисколько не ускоряя

дальнѣйшей тансформаціи отживающаго строя, могутъ лишь отдалять моментъ окончательнаго историческаго разсчета, лишь подкрѣплять, усиливать силу сопротивленія стараго строя требованіямъ времени. И хотя иной „практикъ", не видящій дальше своего носа, усмотрѣлъ бы въ подобныхъ реформахъ нѣкоторое „улучшеніе", мы, какъ соціалисты-революціонеры, обязаны разоблачать ихъ фальшъ, ихъ мишуру, обязаны иногда бороться съ ними, видѣть въ нихъ только палку, вставляемую въ колесо исторіи, чтобы затормозить ея ходъ. Наша прикладная, практическая программа является „практической" совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ „практическое" есть противоположность „идеальному". Практическимъ для нашъ является лишь то, что служитъ ближайшей, первоначальной стадіей осуществленія идеальнаго; практическое — это для насъ ничто иное, какъ идеальное im Werden, въ процессѣ своего воплощенія въ жизнь, идеальное въ своемъ эмбріональномъ фазисѣ.

Въ томъ-то и состоитъ громадное преимущество революціонера, что его взоръ постоянно устремленъ въ будущее, что онъ не ограничивается лишь взвѣшиваніемъ *непосредственныхъ* обязательныхъ результатовъ той или иной реформы, а стремится всегда заглянуть дальше того, что дѣлается у него подъ носомъ. Онъ прекрасно знаетъ, что неожиданная склонность къ реформамъ, проявляющаяся вдругъ у дирижирующихъ элементовъ общества, сплошь и рядомъ является ничѣмъ инымъ, какъ ловушкой, удочкой, на которую подцѣпляютъ наивныхъ глупцовъ, чтобы примирить ихъ съ существующимъ и разстроить ряды оппозиціи. Такое маргариновое „реформаторство", идущее обычно сверху и имѣющее цѣлью предупредить подлинную, вынужденную или проведенную *снизу* преобразовательную работу для прогресса порою гораздо хуже и опаснѣе откровенной и злостной реакціи. У такого „реформаторства", нѣтъ злѣйшихъ враговъ, чѣмъ революціонеры. И въ этомъ-то пунктѣ опять-таки не можетъ не возникать у нихъ цѣлаго ряда конфликтовъ съ умѣренными прогрессистами.

Тѣ и другіе совершенно различно относятся къ взрывамъ торжествующей реакціи. Для революціонера это—явленіе происходящее на поверхности политической жизни и потому не всегда вѣрно отражающее то, что совершается въ ея глубинахъ. Она можетъ быть,

напр., лишь судорожнымъ, отчаяннымъ порывомъ правительства, чувствующаго, что его дни сочтены, потерявшаго голову и своей безудержной свирѣпостью лишь ускоряющаго собственную кончину. И въ такомъ случаѣ, заглядывая дальше впередъ, революціонеръ тѣмъ отважнѣе и бодрѣе, окрыленный тѣмъ болѣе смѣлыми надеждами, бросается въ огонь битвы, чѣмъ разнузданнѣе и неудержимѣе разгулъ реакціи. Для реформиста же, къ сожалѣнію, внѣшнее политическое движеніе застилаетъ игру сокровенныхъ пружинъ, его производящихъ, и потому онъ, съ чистымъ сердцемъ привѣтствуя всякую „уступочку", ни передъ чѣмъ такъ не дрожитъ, какъ передъ перспективой возвращенія реакціи. Вотъ почему нашъ великій сатирикъ, изобразившій эволюціи либерала краткими формулами: сначала „по возможности", затѣмъ „хоть что нибудь" и, наконецъ, „примѣнительно къ подлости"—билъ, увы, въ ахиллесову пяту „умѣренныхъ" всѣхъ временъ и народовъ...

Революціонеръ расматриваетъ внѣшнее движеніе политическаго развитія страны, какъ функцію фактическихъ отношеній силъ, существующихъ въ данномъ обществѣ, причемъ мѣриломъ силы общественной группы является цѣлый рядъ факторовъ: ея численность, сознателность и, наконецъ, организованность. Прямо пропорціонально силѣ данной группы растетъ и склонность существующаго порядка считаться съ ея интересами. Поэтому можно было бы сказать, что политическій строй и практикуемая въ его рамкахъ „внутренняя политика" есть прямое отраженіе этихъ „фактическихъ отношеній силы" (выраженіе Лассаля), имѣя лишь въ виду ту оговорку, что самое пребываніе у кормила правленія извѣстной общественной группы уже удесятеряетъ ея силы. Государственная административная организація есть своеобразный механизмъ, который, подобно всякимъ другимъ механизмамъ и машинамъ, имѣетъ свойство въ нѣсколько разъ увеличивать первоначальную, прилагаемую къ нему живую силу. Цѣль революціонера—создать въ противовѣсъ этой организованной силѣ, дѣйствующей сверху, другую организованную силу, дѣйствующую снизу. Первые шаги этой силы, вызываютъ усиленное давленіе реакціи, желающій „подавить зло въ зародышѣ". Господствующіе элементы, понятно, стремятся превратить государственную машину всецѣло въ инструментъ репрессіи, въ боевой механизмъ про-

тивъ поднявшей голову „гидры революціи“ При этомъ, конечно, безжалостно топчутся всѣ драгоцѣнные либераламъ принципы, въ родѣ раздѣленія властей, независимости судебной власти отъ административной, законодательной отъ исполнительной и т. п. пункты либеральнаго катехизиса. И либералы сидятъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, рыдая и плача, раздирая ризы свои, посыпая пепломъ главы и жалуясь на революціонеровъ, которые своими „нетактичными“ выходками вызвали реакцію... Чтобы не подливать масла въ огонь, они сами, конечно, рекомендуютъ себѣ и приснымъ „ниже тоненькой былиночки свою голову клонить“, чтобы убѣдить, кого слѣдуетъ, что противъ нихъ, политическихъ „сиротиночекъ“, нѣтъ надобности ни въ какихъ репрессіяхъ — напротивъ, имъ то, молъ, и нужно открыть свободное поприще для мирнаго и постепеннаго насажденія культуры...

Но между тѣмъ событія развертываются. Здоровое общественное движеніе надолго подавить невозможно. Оно терпитъ порою пораженія, но вновь, какъ Фениксъ, возрождается изъ собственнаго пепла. Реакція неоднократно повергаетъ его въ прахъ, на землю; но оно, подобно сказочному великану, набирается новыхъ силъ отъ прикосновенія съ матерью землей—захватываетъ все глубже и глубже, все болѣе и болѣе широкіе, низшіе слои населенія и вновь растущими шансами на побѣду начинаетъ борьбу. Наконецъ, приближается моментъ. когда силы реакціи настолько ослабляются, что изъ ея дрожащихъ рукъ начинаетъ выпадать государственный руль. Но и противоположная, революціонная сила послѣ множества кровопусканій въ отчаянной борьбѣ, еще не настолько сильна, чтобы занять мѣсто ослабленнаго врага. Равнодѣйствующая силъ, тянущихъ впередъ и удерживающихъ общество на мѣстѣ, колеблется посрединѣ... Тутъ то обычно вновь воскресаютъ и поднимаютъ голову „умѣренные“. Въ томъ-то и заключается ихъ сила, что они не представляютъ такой же опредѣленной и рѣзко-очерченной силы, какъ силы реакціи и революціи. Неопредѣленность итога борьбы даетъ мѣсто у власти неопредѣленнымъ, оппортунистскимъ, промежуточнымъ партіямъ. И вотъ наши рыцари умѣренности и аккуратности съ торжествомъ выступаютъ на арену, чтобы передвинуть немножечко влѣво „точку“ прогресса; выступаютъ, часто

съ гордымъ лозунгомъ „ни революціи, ни реакціи"; выступаютъ, гордясь, своей способностью къ „положительной и государственной работѣ", въ пику „апостоламъ голаго отрицанія и разрушенія"; выступаютъ, даже не сознавая, что имъ суждено лишь учесть, лишь отразить на поверхности политической жизни тѣ глубокія перемѣны, которыя проявила въ „фактическихъ отношеніяхъ силы" революціонная партія...

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы реформисты были всегда и неизбѣжно враждебны революціонерамъ. Напротивъ. Они часто только воображаютъ себя враждебными имъ, и наоборотъ. На дѣлѣ же они, не сознавая того, выдвигаются на отвѣтственныя и влиятельныя роли усиленіемъ революціонныхъ элементовъ, взаимной компенсаціей силъ революціи и реакціи; и далѣе (быть можетъ, сами не желая того), они облегчаютъ дальнѣйшую работу революціонеровъ, проводя свои хотя бы скромныя реформы, обращая стѣны грозныхъ бастіоновъ реакціи въ мирныя кухни невинной реформаторской стряпни, двигая, наконецъ, по мѣрѣ силъ общую „культуру". И потому временныя соединенія, временныя координаціи революціонеровъ и реформистовъ въ подходящіе моменты и въ подходящихъ формахъ могутъ быть возможны и желательны. Изъ сказаннаго лишь ясно, что, во первыхъ, утопично думать объ ихъ—хотя бы даже временномъ—*сліяніи;* что, во-вторыхъ, даже и для простого координированія, ради общей цѣли, ихъ усиліи, какъ самостоятельныхъ и обособленныхъ политическихъ единицъ, приходится преодолѣть множество препятствій, коренящихся преимущественно въ общемъ фактѣ нашей политической незрѣлости. Либералы и умѣренные должны понять, что революціонеры не могутъ отказаться ради ихъ прекрасныхъ глазъ ни отъ соціализма, ни отъ своей глубоко-революціонной тактики, такъ какъ въ томъ и другомъ—не только залогъ силы революціонеровъ, но порою и залогъ быстраго тріумфа реформистовъ. И въ своихъ же собственныхъ видахъ реформисты пока они еще не исчерпали своей программы и тѣмъ самымъ не превратились въ *консерваторовъ*, должны оказывать поддержку соціализму и революціи, ибо плодами ихъ роста прежде всего, въ упомянутый межеумочный періодъ, воспользуются, всего вѣроятнѣе, они же. Соціалисты же революціонеры, конечно, хотятъ добиться того, чтобы ихъ

голосъ принимался въ расчетъ при общественномъ строительствѣ настоящаго. Но для нихъ это лишь первые ступени къ достиженію болѣе свѣтлаго и грандіознаго будущаго.

Итакъ, въ программѣ соціально-революціонной партіи идеальный и практическій моментъ, конечныя и ближайшія цѣли не только не могутъ враждовать между собой, а наоборотъ, другъ друга дополняютъ, подразумѣваютъ, обусловливаютъ. Безъ практической, насущной программы соціализмъ былъ бы утопіей кабинетнаго мыслителя, мечтой фантазера идеалиста, вѣрованіемъ фанатика-сектанта. Безъ опредѣленной и ясной конечной цѣли, безъ общественнаго идеала революціонное движеніе было бы тѣломъ безъ животворящаго духа, кораблемъ безъ кормчаго, блужданіемъ по лабиринту дорогъ безъ компаса, безъ путеводной звѣзды, безъ маршрута.

Но революціонной партіи не только необходимо имѣть, кромѣ принципіальной, еще и минимальную программу требованій; для нея, въ отличіе отъ партій реформистскихъ, необходимо, чтобы ея минимальная программа не состояла въ простой механической суммѣ мелкихъ требованій, частичныхъ соціальныхъ заплатокъ; а для тактики ея необходимо, чтобы она не размѣнивалась на мелкую борьбу за мелкія реформы, а въ каждый данный моментъ имѣла передъ собою какую-нибудь крупную, широкую задачу, постановка которой показываетъ, что партія съумѣла въ калейдоскопѣ событій отыскать основной бьющійся пульсъ исторіи. Для партіи, революціонной не только въ теоріи, а и на практикѣ, для партіи, которая хочетъ быть живой и дѣятельной исторической силой, хочетъ вызвать переломъ и въ общественномъ настроеніи, и въ общемъ ходѣ политической жизни для такой партіи безусловно необходимъ въ каждый данный моментъ какой-нибудь одинъ основной боевой лозунгъ, прямо отвѣчающій на самую чувствительную струну современности. Въ ея злободневной, ближайшей программѣ требованій долженъ быть такой пунктъ, вокругъ котораго, какъ вокругъ нѣкотораго естественнаго центра, могли бы группироватся всѣ остальныя ея частныя задачи. Иначе ближайшія стремленія партіи будутъ раздроблены на несвязанныя между собою мелочи, и этотъ недостатокъ единства, прежде всего отзовется на томъ, что и общест-

венное вниманіе не сможетъ въ достаточной степени концентрироваться на дѣятельности партіи: способностью властно приковывать къ себѣ общее вниманіе обладаетъ лишь то, что въ каждый данный моментъ является вполнѣ опредѣленнымъ, яснымъ и законченнымъ цѣлымъ. Итакъ, въ каждый данный моментъ передъ партіей должна стоять какая-нибудь крупная очередная задача, на которой она можетъ смѣло сосредоточить свои силы, направляя всѣ свои удары въ одну точку. Въ этомъ —одно изъ самыхъ необходимыхъ условій силы, успѣха и вліянія на ходъ событій!

Изъ сказаннаго ясно, что если одно требованіе, занимаетъ въ тактической линіи поведенія партіи центральное мѣсто, то это еще вовсе не значитъ, чтобы оно оттѣсняло на второй планъ, или тѣмъ паче исключало другія требованія. Это не значитъ откладывать выставленіе другихъ требованій до выполненія этого, перваго и очереднаго; нѣтъ, это значитъ только даннымъ требованіемъ связывать воедино и своеобразно освѣщать всѣ остальныя membra disjecta минимальной программы.

Иллюстрируемъ это примѣрами изъ жизни политическихъ партій, какъ умѣренныхъ, такъ и крайнихъ. Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ данная партія нашла наиболѣе опаснымъ врагомъ прогресса для переживаемаго момента, скажемъ, хотя бы клерикализмъ. (Clericalisme — voila l'ennemi! какъ восклицалъ когда-то Гамбетта). Другой вопросъ, насколько именно этотъ лозунгъ въ данный моментъ и въ данной странѣ правильно выбранъ для концентраціи преимущественно на немъ усилій. Какъ бы то ни было, и онъ можетъ охватить сравнительно довольно широкій кругъ вопросовъ. Партія, видящая въ данный моментъ главнаго врага въ клерикализмѣ, конечно, направитъ свое главное вниманіе на то, чтобы нанести этому врагу рѣшительны ударъ. Но значитъ ли это, чтобы она должна была односторонне заняться критикой теологіи и церковной догматики, забывая за этимъ почтеннымъ занятіемъ свои требованія въ области народнаго образованія, гигіены, общественнаго призрѣнія, благосостоянія массъ и т. п.? Ничуть не бывало! Она только съумѣетъ всѣ эти требованія связать такъ или иначе со своей центральной задачей даннаго момента. Она разомъ поведетъ борьбу на всѣхъ поприщахъ, исходя изъ всевозможныхъ требованій и заинтересовывая всевозмож-

ные общественные элементы. Педагогу она покажетъ вредное вліяніе духовенства на народное образованіе въ связи съ превосходствомъ свѣтскихъ школъ надъ конфессіональными; мыслителю напомнитъ покушенія церкви противъ свободы мысли и критики; почитателю искуства—сухой и мертвящій аскетизмъ, изгоняющій изъ жизни всякую красоту; гуманисту— разжиганіе духовенствомъ фанатизма, вѣроисповѣдной и расовой нетерпимости; рабочему—всегдашнее санкціонированіе пастырями церкви всякой эксплуатаціи и всякаго гнета; врачу—вредное вліяніе фанатизма, приравнивающаго медицину къ борьбѣ противъ воли божіей, насылающей и исцѣляющей болѣзни; филантропу и нуждающемуся въ общественной благотворительности—эксплуататорскія замашки, безстыдно проявляемыя религіозными конгрегаціями подъ покровомъ полной безконтрольности въ его „богоугодныхъ" заведеніяхъ; простонародью —корыстолюбіе, вымогательство за требы и т. п. качества низшаго духовенства,—и т. д. и т. д. Словомъ, во всѣхъ областяхъ жизни она съумѣетъ найти такую зацѣпку, за которую можно ухватиться, чтобы вызвать вражду къ клерикализму.

Такимъ же точно образомъ въ другой странѣ борьба противъ устарѣлаго политическаго режима, противъ абсолютизма можетъ быть сдѣлана такимъ же лозунгомъ. При этомъ задача будетъ еще проще, такъ какъ сфера вліянія еще шире и глубже. Требованіе уничтоженія „бюродержавія", какъ основная задача, сама собой, естественно, будетъ связывать воедино, придавать цвѣтъ и окраску всѣмъ мелкимъ агитатціоннымъ требованіямъ. Такъ, хотя бы, для примѣра, обычныя требованія, выставляемыя въ „экономической борьбѣ" фабричныхъ рабочихъ, тяготѣя къ одной основной задачѣ, совершенно утратятъ всякій *самодовлѣющій* характеръ и пріобрѣтутъ характеръ *служебный*.

Неудивительно, что, послѣ періода вялаго „экономизма" и боязни смѣлой постановки политическихъ задачъ, русская соціалъ-демократія, по закону психологической реакціи, бросилась въ другую крайность и поспѣшила перегнуть палку въ противоположную сторону. Она не только избрала борьбу за политическую свободу своимъ центральнымъ лозунгомъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи), но даже придала ему крайнюю исключительность. Она приняла за доказанное, что русская

революція должна быть исключительно, чисто-буржуазной, т. е. перестроить лишь правовую систему страны, не идя въ глубь соціально-экономическаго ея устройства.

Мы ни мало хотимъ преуменьшить значеніе политической свободы. И потому переходъ отъ экономизма къ политикѣ для соціальдемократіи былъ несомнѣннымъ прогрессомъ, расширеніемъ программы. Это былъ важный тактическій шагъ впередъ.

Только при достаточно широкой постановкѣ очередныхъ задачъ соціалистическая партія можетъ сдѣлаться душою всѣхъ опозиціонныхъ и прогрессивныхъ силъ, стать во главѣ ихъ въ эпоху общественнаго возбужденія и борьбы. Для этого она не должна замыкаться *исключительно* въ свои особенныя, спеціальныя партійныя задачи, отличающія ее отъ другихъ партій. Напротивъ. Ее программа-минимумъ должна быть достаточно широка, чтобы охватывать и наиболѣе смѣло и послѣдовательно выражать также и наличныя прогрессивно-опозиціонныя тяготѣнія. Тѣмъ самымъ она невольно будетъ завоевывать симпатіи этихъ не вполнѣ съ нею единомыслящихъ, но ходящихъ съ нею въ извѣстныхъ пунктахъ опозиціонныхъ группъ. Онѣ привыкнутъ видѣть въ ней не только свою союзницу, но и свой авангардъ—и тѣмъ самымъ все наиболѣе смѣлое, живое и рѣшительное, всѣ лучшіе идейные элементы этихъ группъ подъ вліяніемъ ея будутъ постепенно эволюціонировать въ лѣвую сторону, вплоть до рѣшительнаго перехода подъ красное знамя соціализма. Такъ во Франціи перешли къ соціализму такіе люди, какъ Жоресъ, Вивіани, Прессансе, Анатоль Франсъ, въ Германіи—Гейне, Ледебуръ, Гере, въ Бельгіи—Фюрнемонъ, Гримаръ, Лафонтенъ, Брюне и др., въ Италіи—Лабріола, де-Амичисъ, Габріель д'Аннунціо.

Итакъ, несомнѣнно, что партіи, которая хочетъ быть жизненной, необходимо соединить въ своей программѣ широту принципіальной концепціи съ соотвѣтствіемъ ближайшей программы самымъ наболѣвшимъ, назрѣвшимъ, очереднымъ, вопросамъ времени. Нужно ли говорить, что однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о политическомъ освобожденіи Россіи? Чтобы жадно всѣми фибрами своей души желать послѣдняго, нѣтъ надобности непремѣнно быть соціалистомъ. И либеральный земецъ и уважающій себя профессоръ, и студентъ, и скромный культуртрегеръ, и просто куль-

турный, образованный, свободомыслящій человѣкъ, и полуобразованный сектантъ, и сознавшій свое человѣческое достоинство мѣщанинъ, крестьянинъ, рабочій—всѣ ощущаютъ на себѣ тяжесть произвола, всѣ хотятъ вольнѣе вздохнуть, всѣ хотятъ почувствовать себя болѣе свободными людьми. Даже члены тѣхъ привилегированныхъ классовъ, чьи интересы особенно ревностно охраняются самодержавіемъ, не всегда могутъ устоять передъ искушеніемъ пофрондировать противъ этой, порою до несносности заботливо азіатски-патріархальной опеки правительства... А при неимовѣрно-трудныхъ условіяхъ борьбы въ современной Россіи соціально-революціонная партія для успѣшности своей работы страшно нуждается въ общей атмосферѣ недовольства, протеста, оппозиціи, сочувствія работникамъ революціи... Эта атмосфера—тотъ воздухъ, который необходимъ соціально-революціонной партіи, чтобы дышать, чтобы жить, чтобы работать... Но чѣмъ же и создать вокругъ себя эту атмосферу почти всеобщаго сочувствія, какъ не энергичной борьбой за удовлетвореніе *общей* потребности самыхъ разнообразныхъ недовольныхъ элементовъ страны?

Честь впервые выдвинуть требованіе политической свободы въ качествѣ центральнаго пункта въ своей тактикѣ принадлежитъ Народной Волѣ, и съ ея времени революціонная мысль, къ сожалѣнію, не разъ регрессировала въ этомъ пунктѣ. Однако, съ тѣхъ поръ „аполитизмъ“ стараго народничества получилъ смертельный ударъ. И менѣе, чѣмъ когда либо, воскрешеніе его возможно въ настоящее время.

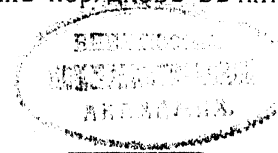
Если когда-нибудь въ жизни народовъ бываютъ такіе моменты, когда мучительно наболѣвшая потребность выдвигается на первый планъ, требуя неотложно своего разрѣшенія во что бы то ни стало, то такой моментъ сейчасъ переживаетъ наша многострадальная Россія. Для нея освободиться отъ мертвящаго, ледяного дыханія *бюрократическаго самодержавія* или *самодержавной бюрократіи*—является не только вопросомъ первостепенной важности, но болѣе того, вопросомъ жизни или смерти, вопросомъ здороваго развитія или мучительной болѣзненной агоніи... Во имя соціалистическаго идеала, во имя всѣхъ нашихъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ упованій мы должны всѣ свои ближайшія, агитаціонныя требованія неразрывно связывать съ этимъ „насущнымъ вопросомъ“. Съ чего бы и гдѣ бы мы ни начинали

нашу агитацію, для насъ всѣ пути должны вести въ Римъ, и всѣ наши требованія должны заканчиваться логически однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: Caeterum censeo, Carthaginem delendam esse! Разрушимъ же Карѳагенъ бюродержавія.

Но съ этимъ логически вовсе не связано провозглашеніе необходимости для ближайшей революціи остаться чисто политической и быть исключительно буржуазной. Нашъ современный государственный порядокъ слишкомъ тѣсно и неразрывно связанъ какъ разъ съ наиболѣе паразитическими элементами господствующихъ классовъ, чтобы можно было оторвать борьбу за политическое освобожденіе отъ борьбы за освобожденіе экономическое. Первое является, конечно, логическимъ условіемъ, логической предпосылкой второго. Но въ это положеніе слѣдуетъ вдуматься глубже, чтобы не впасть въ самое грубое недоразумѣніе. Рѣчь именно идетъ о *логическомъ*, а не объ *историческомъ* предшествованіи политическихъ измѣненій—соціально-экономическимъ. *Исторически* они могутъ и должны идти слитно, подвигаясь впередъ единовременно и неразрывно. *Логически-же* соціально-экономическая перемѣна силами народа *уже* предполагаетъ кризисъ старыхъ политическихъ формъ, нанесеніе имъ смертельнаго удара. Отсюда политическая освободительная борьба является *необходимой формой* движенія, въ какихъ бы соціально-экономическихъ требованіяхъ ни состояло его ближайшее историческое содержаніе. *Неотдѣлимость* формы и содержанія - вотъ тотъ глубокій принципъ, который, правильно понятый, убережетъ и отъ односторонняго аполитизма, и отъ не менѣе односторонняго политиканства. И, далекіе отъ того и другого, понимая глубокую связь между хозяйственнымъ кризисомъ, который переживаетъ Россія, и кризисомъ политическимъ, мы хотимъ радикальными мѣрами вывести ее изъ состоянія экономическаго паралича, сковывающаго ея производительныя силы. Въ обнищаніи деревни видимъ мы ключъ ко всей нашей хозяйственной репрессіи, и потому земельная реформа—соціализація земли—какъ главный первый шагъ въ области экономическаго освобожденія—сливается у насъ вмѣстѣ съ политической реформой въ единый кличъ—„Земля и Воля!“

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній необходима, быть можетъ, еще одна оговорка. Изъ сказаннаго выше

не должно заключать—какъ это иногда, къ сожалѣнію, дѣлаютъ—будто бы политическую свободу должно разсматривать лишь какъ *средство*, ведущее въ концѣ концовъ къ эмансипаціи трудящихся классовъ. Какъ ни грандіозна эта послѣдняя цѣль, но и политическая свобода—слишкомъ крупная и великая вещь, чтобы унижать ее до роли исключительно *средства* для чего бы то ни было другого. Нѣтъ, политическая свобода не только средство: она, какъ таковая, обладаетъ самостоятельною цѣлью; она—благо сама въ себѣ, и потому можетъ и должна быть не только мертвымъ посредствующимъ звеномъ, но и живой цѣлью напряженнѣйшихъ желаній и усилій. Понятіе политической свободы наравнѣ съ понятіемъ соціалистической организаціи производства одинаково входятъ въ составъ нашего общественнаго идеала. Она сама есть *часть* этого идеала, часть, которая, какъ и нѣкоторыя другія его части, можетъ быть проведена въ жизнь въ большемъ или меньшемъ объемѣ раньше остальныхъ частей, и своимъ осуществленіемъ можетъ придвинуть и ихъ осуществленіе. Вотъ почему мы и ставимъ одной изъ своихъ насущныхъ задачъ *завоеваніе политической свободы*—и во имя ея самой, и во имя общаго соціалистическаго идеала! Вотъ почему мы и ставимъ своей платформой—созывъ Учредительнаго Собранія для переустройства всѣхъ современныхъ порядковъ въ интересахъ рабочаго народа!



Русско-Эстонское книгоиздательство при Ревельскомъ комитетѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Складъ издательства: Ревель, Салонная 16, телефонъ 7—92.

	Чему учатъ соціалисты-революціонеры (распродано) .	20 к.
1.	Пѣсни революціи (распродано)	10 „
2.	О землѣ	8 „
3.	Программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ .	10 „
4.	Sotsial.-rewolutsionääride partei progr	5 „
5.	Что дѣлать въ Учредительномъ Собраніи. Е. К. Брешко-Брешковской	6 „
6.	Какъ русскіе крестьяне потеряли землю и волю (распр.)	5 „
7.	Аграрный законопроектъ. (Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона, внесенный Думской группой соц.-рев. во II-ую Государственную Думу)	5 „
8.	Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался. Волховскаго	10 „
9.	Конекъ-скакунокъ (Русская сказка) С. Басова-Верхоянцева	20 „
10.	Mis tuleb teha Asutawas kogus. E. K. Breschko-Breschkowskaja	6 „
11.	Съ царемъ или безъ царя (перепечатано съ Гельсингфорскаго изд.)	10 „
12.	Наша программа: (Попул. изложъ.)	10 „
13.	Демократическая республика. Бертлісвъ. Перепечат. съ изданія московскаго книгоизд. „Земля и Воля“.	10 „
14.	Demokratlik wabariik. Bertliew. (trükis)	
15.	Почему я соціалистъ. Ф. Гардинсъ. (Перепечатано съ изданія Петроградской изд. комиссіи)	15 „
16.	Mispärast ma sotsialist olen. F. Gardins (trükis)	
17.	Пауки и мухи. Либкнехтъ	5 „
18.	Kärbsed ja ämblikud. Liebknecht (trükis)	
19.	За что борются соц.-революціонеры. Перепечатано съ изданія московскаго книгоизд. „Земля и воля“.	5 „
20.	Mille eest wõitlewad sots.-rewolutsionäärid	5 „
21.	Новая нагорная проповѣдь	6 „
22.	Uus mäe jutlus	6 „
23.	Автобіографія Брешко-Брешковской	7 „
24.	Meie programm. (Rahwalik wäljaanne)	
25.	Областное народоправіе. Н. Кабанова	10 „
26.	Oblastite rahwawalitsus. N. Kabanow	5 „
27.	Соціализація земли. Г. Новоторжскій. Перепечатано съ петроградскаго изданія „Революціонная мысль“	30 „
28.	Maa sotsialiseerimine. G. Novotorschki (trükis).	
29.	Конечный идеалъ соціализма и повседневная борьба. В. Чернова	20 „
30.	Вопросы рабочей политики. О міровоззрѣніи партіи соціал.-революціон. М. Хижнякова.	
31.	Царь — голодъ. А. Бахъ (печатается)	
32.	Наша платформа на выборахъ въ Ревельскую Городскую Думу	10 „
33.	Meie platform Tallinna linnawolikogu walimistel . .	10 „